

«И если бы, скажем,—по меткому замечанию Ю. В. Бромлея,—язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различие этих понятий потеряло бы смысл»¹⁴¹.

Мы склонны считать, что именно высокий уровень этнического самосознания препятствовал созданию татароязычной письменности на армянской графической основе в Крыму, в Поволжье, в Приднестровье—т. е. там, где был усвоен татарский язык в качестве разговорного. Механизм этого явления в деталях не ясный, но непреложным фактом является то, что письменность на армяно-кыпчакском языке возникла только на территории Украины, где армяне-кыпчакофоны очутились в положении лингвистических изолятов. Употребление армяно-кыпчакского письменного языка в Крыму могло расцениваться и, несомненно, расценивалось бы как значительная ассимиляционная уступка по отношению к окружающему татарскому населению, как зафиксированный письменно признак уничтожения лингвистического барьера между татарами и армянами (хотя в разговорном языке этот барьер и был уничтожен). На Украине, в условиях совершенно другого славянского языкового окружения, лингвистический барьер сохранялся (хотя это и был барьер между славянскими и тюркским, а не между славянскими и армянским языками), а создание письменности на армяно-кыпчакском языке не могло уже расцениваться как серьезный удар по национальному самосознанию и уступка тюркскому ассимиляционному давлению. Армяно-кыпчакская письменная литература, как мы подчеркивали уже выше, возникла только на Украине.

Соотношение между базовой и периферической лексикой, на чем строили свои этногенетические выводы Клоусон и Гаркавец, не играло в данном случае, никакой роли. Проникновение в армяно-кыпчакский язык, вслед за армянской периферической лексикой, также украинский и польский (и, через их посредничество, еще латинской и немецкой) имело глубокие последствия для языка, толкало его к интерференции и конвергенции, а в дальнейшем—к очередной языковой ассимиляции (восприятию польского и украинского языков в качестве разговорного с одновременным отмиранием армяно-кыпчакского языка). Но это было явление социолингвистического, но не этногенетического порядка. Если бы из восприятия армянами (кыпчаками и арменофонами) славянских языков мы попытались делать какие-нибудь этногенетические выводы в духе Клоусона-Гаркавца, они получились бы явно анекдотического свойства: нужно было бы предположить, что значительное количество украинцев и поляков влилось в ряды армян-эспатриантов...

В нашем распоряжении имеется очень любопытное свидетельство

¹⁴¹ Бромлей Ю. В. К характеристике..., с. 27. Сравни также общетеоретические рассуждения в сборнике *Ethnolinguistique. Contributions théoriques et méthodologiques*. Ed. Alvarez-Pereyre A. Leuven, 1981.